

950
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

М 142
99

801-14
762

ПАМЯТИ КАРЛА МАРКСА

СБОРНИК СТАТЕЙ
К
ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ
СО ДНЯ
СМЕРТИ

1883—1933

Karl Marx

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1933

СК

Интерес широких масс индийского пролетариата к марксизму был в большой мере оживлен Октябрьской революцией, и первые попытки популяризации учения К. Маркса на современных индийских литературных языках делаются в трудах по истории пролетарской революции.

Эти первые попытки, известные нам по имеющейся в нашем распоряжении литературе, довольно беспомощны, но постепенно теоретическая мысль индийского пролетариата достигает все большей ясности и конкретности.

Калькуттское издание „Коммунистического Манифеста“ на бенгальском языке нельзя признать удовлетворительным, но именно факт его появления свидетельствует о том, что широкие круги индийского пролетариата подошли вплотную к изучению классиков марксизма по первоисточникам. Неудовлетворительность первого перевода на бенгальский язык ставит с тем большей настойчивостью вопрос о создании перевода, удовлетворяющего современным требованиям марксо-ленинского учения. К изданию такого перевода вплотную подошел и пролетариат западного, промышленного центра Индии — Бомбея.

Несомненно, пролетариат важнейших очагов рабочего движения в Индии — Калькутты и Бомбея в ближайшем будущем создаст свои переводы классиков марксизма, и издание их на бенгальском и маратском языках в значительной мере облегчит работу по переводу их на другие индийские языки.

*

К моменту чтения корректуры был получен последний номер журнала „Восток и Колонии“ (март 1933 г.), в библиографическом перечне которого указаны переводы классиков марксизма на бенгальский, урду и на маратский языки, а именно:

а) на бенгальском:

Srikrishna Goswami. „Communist Manifesto“.

— „Socialism-Utopian and Scientific“.

Anil Roy. „Marxism“ by Lenin.

— „Imperialism“ by Lenin.

Shomnath Lahiri. „State and Revolution“ by Lenin.

б) на урду:

„Communist Manifesto“ (translation).

„Communism“ by Engels (translation).

в) на маратском:

K. M. Jambhekar. „Wage-Labour and Capital“ by Karl Marx.

Названные переводы, к сожалению, в Ленинграде не получены.

А. Н. САМОЙЛОВИЧ

ПЕРВЫЕ ПЕРЕВОДЫ „КОММУНИСТИЧЕСКОГО МАНИФЕСТА“ НА КАЗАКСКИЙ И УЗБЕКСКИЙ ЯЗЫКИ

ИСТОРИЯ переводов „Коммунистического Манифеста“ на различные языки Западной и Восточной Европы показывает, что не все переводы были одинаково удачны, и что при переводе возникали затруднения особенно по линии терминологической, в результате которых появлялись неточности и даже пропуски. Так, например, неполным и со следами торопливости оказался датский перевод 1885 г.

Что касается переводов на русский язык, то неточности в области терминологии отмечены в переводе Бакунина, вышедшем в 1870 г., а в лучшем из прежних русских переводов, — Плеханова, изданном в 1882 г., обнаружены пропуски и вольности.¹

Появление переводов „Коммунистического Манифеста“ на языках народов, живущих на восток от Уральских гор и Каспийского моря, стало возможным только после Октябрьской революции и окончания гражданской войны, ликвидировавших колониальный режим и господство российских и местных феодалов и буржуа.

Первые переводы Манифеста в этой части советского Востока были изданы в 1926 г. на казакском и в 1929 г. на узбекском языках; других переводов до 1933 г. в Средней Азии не появлялось.²

Бывшие колонии бывшей Российской империи Казакстан и Узбекистан значительно отличались между собой в социально-экономическом и культурном отношении к моменту установления в них советской власти, и эти унаследованные от дореволюционного прошлого отличия не могли не

¹ См. предисловие Энгельса к немецкому изданию 1890 г. (5-е изд. „Коммунистического Манифеста“ Институтом Маркса и Энгельса, М., 1928, стр. 50) и предисловие Рязанова к первому изданию (там же, стр. 3).

² См. сообщение „Правды“ от 3 марта 1933 г., № 61, о подготовке перевода Манифеста на киргизский язык, в связи с пятидесятилетием смерти К. Маркса.

отражаться, как отмирающие пережитки, на темпах, характере и качестве хозяйственной и культурной сторон социалистического строительства и в частности на языковом строительстве этих двух республик.

Развитие литературных языков Казакстана и Узбекистана в годы выхода в свет переводов „Коммунистического Манифеста“, развитие в тот период художественной, публицистической и научной литератур происходили при преобладающем участии бывших, а иногда и настоящих представителей буржуазной, националистически настроенной, интеллигенции или работников, находившихся под ее идеологическим влиянием.

Различия в социально-экономических базах дореволюционной истории Казакстана и Узбекистана и различия в культурных стремлениях молодых, разной мощности, национальных буржуазий этих республик нашли, прямым или косвенным путями, свое отражение и в первых переводах на казахский и узбекский языки „Коммунистического Манифеста“, переводах, опубликованных местными государственными издательствами.

Не единственной, но господствующей тенденцией языкового строительства Казакстана, отразившейся на переводе 1926 г. „Коммунистического Манифеста“, было чрезмерное стремление, в степени, отнюдь не соответствовавшей интересам нарождающегося казахского промышленного и сельскохозяйственного пролетариата и казахских трудящихся, в степени, не наблюдавшейся в те годы не только в Узбекистане, но и в Туркмении, — охранять „чистоту“ казахского языка, ограничивая его дальнейшее развитие в условиях социалистического строительства языковыми нормами, установившимися в эпоху господства производственных отношений степного феодализма с преобладанием экстенсивного кочевоего скотоводческого хозяйства и при отсутствии национальных торгово-промышленных центров — городов и развитых международных связей.

При господстве этой тенденции в ее чрезмерном выражении работа над переводом „Коммунистического Манифеста“, отражающего борьбу классов развитого европейского капиталистического общества, на казахский язык должна была натолкнуться и действительно натолнулась на непреодолимые затруднения, в результате которых оказались совершенно неизбежными и неточности, и вольности, и пропуски, и искажения.

Главным объектом борьбы за чистоту языка являются обычно иностранные слова. В. И. Ленин, исходя из того, что иностранные слова затрудняют влияние на массы, призывал к борьбе с употреблением в русском языке иностранных слов без надобности,¹ и соответствующая тенденция языкового строительства Казакстана в этих именно пределах, как и ее отражение в тех же границах в переводе Манифеста должны приотражаться в качестве безусловно положительного явления.²

¹ Ленин. К очистке русского языка. Собрание сочинений, изд. 1, т. XX, ч. 2, стр. 363.

² Проф. Е. Д. Поливанов (Революция и литературные языки СССР. Революционный Восток, № 1, 1927, стр. 55) неправ в своем утверждении, что в проведении пуризма „до

Казахский переводчик, имя которого не названо, не стремился к точному переводу, а имел в виду, не искажая основного смысла Манифеста, передать его содержание в облегченной форме (предисловие на стр. 3), но и это выполнить удовлетворительно ему не удалось, так как у него не оказалось достаточной для этого подготовки и правильных методологических установок. И недостатки перевода или вернее пересказа, и небрежное отношение к изданию со стороны редакции привели к тому, что издание оказалось по своему качеству близким к макулатуре.¹

В годы подготовки и издания перевода „Коммунистического Манифеста“ на узбекский язык в Узбекистане не сломлена была еще окончательно отличная от казахской и схожая с азербайджанской тенденция узбекской буржуазной интеллигенции и работников, находившихся под ее идеологическим влиянием, задерживаться в языковом строительстве на пути феодальных традиций таких стран с развитой торгово-промышленной городской жизнью, как Персия и Турция, на пути, с которого за последние годы стремится сойти и сама, национально освобожденная и решительно вступившая в эру буржуазного развития Турецкая республика, т. е. на пути культивирования интернациональных для стран Ближнего и Среднего Востока арабских, персидских и арабско-персидских слов и терминов как средневекового, так и нового происхождения и даже соответствующих грамматических форм. Тенденция эта, отнюдь не соответствующая, как и казахский чрезмерный пуризм, интересам пролетариата и трудящихся Узбекской ССР, в значительной еще степени сохранена в языке узбекского перевода Манифеста, исполненного С. Сыддигом под редакцией Атаджана Хашимова, послужив большим облегчением опытному в подобной готовой терминологии переводчику.

Наряду с этой господствующей тенденцией и несравненно сильнее, чем в казахском переводе, но значительно слабее, чем первая, проведена другая, ныне окончательно укрепившаяся в Узбекистане за счет первой и развивающаяся в настоящее время и в Казакстане здоровая тенденция освоения европейской международной терминологии во всех тех случаях, когда соответствующий термин не может быть достаточно просто и естественно выражен на родном языке или когда принципиально важно сохранить такой термин без перевода, прежде всего во избежание утраты его классовой заостренности.

крайностей... никто не доходит“. Крайности эти нам известны за первые послереволюционные годы не только в Казакстане, но и в Узбекистане, и Азербайджане. Проф. Н. Ф. Яковлев (О принципах создания терминологии в национальных языках. Культура и письменность Востока, книга 7—8, 1931, стр. 85—86), не учитывая высказывания по данному вопросу В. И. Ленина, не различает вредной и полезной степеней пуризма с точки зрения интересов культурной революции.

¹ Часть текста со стр. 23 попала на стр. 25, а со стр. 25 на стр. 26. Введенное в основной текст на стр. 25 примечание относится к стр. 24. Часть текста и примечание на стр. 58 относятся к стр. 56. Эти перестановки совершенно, конечно, искажают содержание Коммунистического Манифеста.

Если казахский переводчик злоупотреблял тенденцией пуризма, то узбекский переводчик наоборот без нужды для дела и даже во вред ему чрезмерно удалялся от узбекского языка в сторону арабизмов и персизмов, заимствуемых преимущественно из устаревшего анатолийско-турецкого языка, и поэтому узбекский перевод местами более доступен пониманию буржуазных интеллигентов Турции, чем молодой рабочей и крестьянской интеллигенции Узбекистана.

Обладая указанными достоинствами и недостатками (последних больше), язык узбекского перевода Манифеста оказался довольно богатым и гибким для несравненно более точной и полной передачи, чем в казахском переводе, содержания Манифеста, однако такой передачи, которая сильно ограничивает круг узбекских граждан, могущих пользоваться этим переводом. Все же и узбекский переводчик допустил ряд неточностей, мелких пропусков и искажений. В общем и первый узбекский перевод Манифеста должен быть признан недостаточно удовлетворительным с точки зрения интересов современного Узбекистана.

Одним из общих для казахского и узбекского переводов недостатков является неустойчивость терминологии.

Казахский перевод был издан всего в количестве 1500 экземпляров, да к тому же арабским алфавитом, ныне изъятым из употребления, и в настоящее время является, к счастью для Казахстана и для библиофилов, библиографической редкостью.

Узбекский перевод вышел тоже, к счастью, незначительным тиражом в 3000 экземпляров, но на новом узбекском алфавите под маркой Всесоюзного ЦК Нового алфавита.

Оба перевода сделаны не с оригинала, а с русского перевода. Узбекский перевод не имеет предисловия ни от переводчика, ни от редактора, но на титульном листе указано, что перевод сделан с четвертого издания под редакцией Д. Б. Рязанова. Воспроизводя полностью это четвертое русское издание, узбекский перевод сопровождается еще списком узбекских терминов, встречающихся в переводе Манифеста, но не всех, а только тех, при которых в тексте не проставлены русские соответствия (стр. 319—320). Перевод Манифеста находится на стр. 59—96.

Судя по составу материалов, предшествующих в казахском переводе Манифесту и следующих за ним, казахский перевод сделан с первого издания русского перевода под редакцией Рязанова. Перевод Манифеста находится на стр. 22—62.

Ни на казахском, ни на узбекском языках новых переводов и изданий Манифеста к началу 1933 г. не появлялось. Первый казахский перевод не может служить основой для переработанного второго издания и должен быть заменен новым переводом, исполненным на новых принципах. Первый узбекский перевод, выполненный позднее и в отношении точности и полноты значительно совершеннее казахского, может и должен быть подвергнут

исправлению и переработке в указанных нами выше направлениях и после этого использован для второго улучшенного издания.

II

В подтверждение моей характеристики и оценки первых переводов на казахский и узбекский языки „Коммунистического Манифеста“ и в качестве материала для истории развития языка переводной марксистской литературы и развития литературных языков вообще в Казахстане и Узбекистане в послеоктябрьское время, я привожу далее ряд примеров. Они, думаю, мне, представляют интерес не только для узкого круга туркологов и не только для лингвистов, занимающихся изучением различных языков, но отчасти и для более широких кругов специалистов в области общественных наук, а также и для практических работников культурного строительства.

Тенденция языкового пуризма, отличающая казахский перевод Манифеста от узбекского, выявляется уже в переводе заглавия: узбекский перевод оставляет незамененным слово „manifest“, казахский же использовал родное слово со значением „оглашение“ — „şağ“. Не возражая против того, что в условиях Казахстана в годы издания Манифеста такой перевод мог иметь свой смысл, полагаю, что при новом переводе и издании Манифеста в значительно изменившихся условиях, когда пролетариат Казахстана успел значительно вырасти и количественно и качественно, будет более уместным сохранить в переводе заглавия документа, имеющего совершенно исключительное интернациональное значение, слово — „манифест“, ставшее интернациональным особенно благодаря именно этому документу.¹

Слово „пролетарий“ в настоящее время уже прочно освоено казахским языком, правда, в форме „пролетариат“ (purgylarbjat), перевод же Манифеста сохраняет и в отношении этого слова национальную обособленность и при этом обнаруживает еще некоторое колебание в выборе родного эквивалента: на титульном листе в переводе лозунга „пролетарии всех стран, соединяйтесь“ мы видим слово „трудящийся“ (enbekci), в заглавии первой главы Манифеста (стр. 22) — слово „бедняк“ (şarlı), а далее всюду, и в том же лозунге, заканчивающем Манифест (стр. 62), — слово „наемный рабочий“ (şalsı), причем или слова „пролетарий“ и „рабочий“ в переводе не различаются (стр. 31, 37), или чаще слово рабочий переводится словом² „занимающийся делом, служащий“ (şımuscsı) (стр. 38), которое и поныне употребляется в казахском языке именно в значении „рабочий“.³ Слово

¹ Слово şağ встречается и в узбекском переводе (стр. 88) в выражении „butun dunjoqa şağ salqan“, соответствующем выражению „громко трубящий по всему миру“, оригинала. В киргизском языке слово „манифест“ с некоторыми фонетическими изменениями вошло во всеобщее употребление, как сообщил мне т. Тыныстанов.

² Словарь Радлова, IV, 178.

³ Слово „şımuscsı“ употребляется в переводе Манифеста в значении „труд“, наряду со словом „enbek“.

„пролетариат“ передается в переводе формой множественного числа от слова „наемный рабочий“ (çalсылар, стр. 31), а выражение „люмпен-пролетариат“ переводится выражением „голые рабочие“ (qaңqь çalсылар, стр. 36).

В узбекском переводе Манифеста слова „пролетарий“ и „пролетариат“ передаются одним и тем же словом „пролетариат“ (pirəlitərijet, стр. 67), а „рабочий“ — словом, обозначающим „рабочего“ и у туркмен, и у поволжских татар: — „işci“.¹

Задерживающая нормальное развитие языка роль чрезмерного пуризма наглядно выявлена в казакском переводе Манифеста при передаче на казакском языке слов: „буржуа“, „феодал“, „патриций“, „промышленник“, причем переводчик сам не смог все же в отношении некоторых из этих слов до конца быть последовательным и удержаться на позиции крайнего пуриста. Слово „буржуа“ передано или просто словом „богач“, „богачей“ (бай, стр. 22), или описательно: „обладающий торговым оборотом богач“ (somalı бай, стр. 37), „едок труда богач“ (eңбек севси бай, стр. 24), а слово „буржуазия“ — формой множественного числа от слова „богач“ (байлар); так, вместо „мелкая буржуазия“ пишется — „мелкие бай“ (usaq байлар, стр. 51, 61), а в другом месте слово „буржуазия“ переведено словом „капиталисты“ (kapitalciler, стр. 53). Тем же словом „бай“ переведено слово „патриций“ в начале первой главы Манифеста (стр. 23), но при вторичном упоминании „патрициев“ (стр. 25) воспроизведен оригинал (patiritsi). Слово „бай“ использовано и для обозначения „феодала“ в описательном выражении „земельный богач“ (серли бай, стр. 24, 26), но „феодала“ переводчик все же предпочитает обозначать другим казакским словом, принятым и в терминологическом словаре казакского Наркомпроса 1931 г.,² именно словом „бек“ (бек, стр. 61), хотя иногда оставляет слово „феодал“ без перевода: feodal (стр. 25). Для обозначения „феодализма“ переводчик пользуется однажды словом „старина“ (eskilik, стр. 24, 2-я строка снизу), пытается в другом месте выразить это понятие описательно: „занятие скотоводством и земледелием“ (mal baqьv, сер сьrtьv kesibi, стр. 29, строки 4—3 снизу), но чаще прибегает к слову „бекство, бекская власть“ (bektik, стр. 49). Наконец, не заботившийся о точности и последовательности в переводе терминов и слов, переводчик Манифеста на казакский язык употребил слово „бай“ и при передаче выражения „миллионеры-промышленники“: — „миллионщики бай“ (mylijencik бай, стр. 23—24), проявив большую точность при вторичном переводе слова „промышленник“ в выражении „мелкие промышленники“ (usaq kesipciler, стр. 32).

¹ Русско-туркменский словарь 1929 г., изданный в Ашхабаде, переводил слово „пролетарий“ словами „неимущий“ (joqьv) или „рабочий“ (işci), обнаруживая в данном случае пуризм, подобный казакскому.

² См. рецензию Е. Кротевича: „Выправить недочеты в строительстве казакской терминологии“ (Просвещение национальностей, 1932, № 6—8, стр. 94—96).

Узбекский перевод сохраняет всюду слова: burçuva (стр. 70), burçuvazьja (стр. 60—61), fiјədəl (стр. 60), fiјədəlizim (стр. 61), pətritsi (стр. 60).

Казакский терминологический словарь 1931 г. предложил обозначать и „буржуа“, и „буржуазию“ словом русского живого языка „буржуй“ (burçoi).

При отсутствии у казаков в недавнем прошлом развитых ремесел и ремесленных организаций переводчик не мог не затрудниться в передаче слов „мастер“, „подмастерье“, „цех“, которых в казакском языке в виде стойких терминов не было и которые переводчик не считал возможным заимствовать из других языков. Употребляемое у соседних народов в значении „мастер“ (туркмены) или „ремесленник“ (телеуты на Алтае) слово „usta“ обозначает в казакском языке специально „кузнеца“; переводчик воздержался от использования этого слова в более общем значении и был вынужден обратиться к неточным, описательным выражениям: для „мастера“ „занимающийся ремеслом, ремесленник“ (ynerci, стр. 23, 26) или „ловкий, ловкач“ (seber, стр. 25, 26), а для „подмастерья“ — „учащийся, ученик“ (yјrenici, стр. 23) или „ремесленный ученик“ (yner cekirti, стр. 25). Слово „seber“ одновременно использовано и в значении „остроумный“ (стр. 50). Терминологический словарь 1931 г. закрепил слово „seber“ и за „мастером“ и за „ремесленником“, а в значении „подмастерья“ предложил описательный термин „наемный мастер“ (çalсь seber). Слово „цех“ в выражениях „цеховой мастер“ в казакском переводе несколько раз просто опущено (стр. 23, 25, 52), а однажды передано непонятным словом „qusta“ (стр. 26); в узбекском то сохраняется русское слово „tsex“ (стр. 60), то это слово в переводе опускается (стр. 61).

Не мог не затруднить степняка-казака и перевод слов „мещанин“, „мещанский“. Узбекский переводчик пользовался русским словом: „meşсəп“ (стр. 61, 86). Казакский переводчик обычно обходил это слово молчанием, передавая слова „мещанское население первых городов“ словами: „первые городские люди“ (alqасqь qala adamdarь, стр. 25) или опуская слова „о мелко-мещанской“ во фразе „говорители вы о мелко-мещанской и о крестьянской собственности“ (стр. 40), но в одном месте (стр. 51) попытался перевести слово „мещанство“ выражением „толстые голенища“ (сывап qоньстар), которое собственно значит „зажиточные люди“.

В терминологическом словаре 1931 г. слово „мещанин“ не дано.

И в казакском переводе Манифеста (стр. 25), и в терминологическом словаре, и в переводе „Вопросов ленинизма“ Сталина (1932, т. II) в значении „колония“ употребляется связанное с кочевым скотоводческим хозяйством слово, значащее, по словарю Радлова, „отдаленное от аула пастбище“ (otar), слово, известное также киргизам, казанским татарам, башкирам, крымским татарам, ногайцам, украинцам и у последних, как и у ногайцев, обозначающее пасущееся стадо овец. В современном казакском языке слово „otar“ входит в состав всех словообразований, связанных со словом „колония“: otарсьььq, по терминологическому словарю,

„колонизаторство“, *cala otar*, по переводу „Вопросов ленинизма“ (II, 4) — „полуколония“. Не только „*otar*“ у казаков, но и „*otor*“ у киргизов, слова со значением „отдаленные от аула пастбища“ естественным путем превратились в слова со значением „колонии“ в результате царской колониально-переселенческой политики в Казакстане и Киргизии.¹ „Коммунистические колонии“ Оуэна казакским переводчиком в своем месте опущены (стр. 60).

Узбекский переводчик пользуется для „колонии“ принятым у турок и азербайджанцев арабским словом „*mystəmləkə*“ (стр. 61), для „колонизации“ арабским же образованием „*ystəmlak*“ (стр. 61), а „коммунистические колонии“ Оуэна передает с сохранением слова „колония“: „*kəmtupə — kəlonijələr*“ (стр. 94).

И казакский и узбекский переводчики передают слово „экспроприация“ описательными выражениями на родных языках: по-казакски „*tartıb alıv*“ (стр. 48), по-узбекски „*tartıb alıpv*“ (стр. 82), что значит „отнятие“. „Поземельная рента“ по-казакски переведена „земельная плата“ (*çeg aqı*, стр. 48), по-узбекски „земельный доход“ (*jer dərāmədi*, стр. 82), но казакский терминологический словарь уже осваивает слово „рента“ в форме „*renti*“. Слово „конфискация“ по-казакски передано описательно „обращение в государственную казну“ (стр. 48), а в узбекском переведено арабским термином „*musadara*“ (стр. 82). Слово „монополия“ в казакском переводе передано описанием „оставление в руках государства“ (стр. 48), а в узбекском сохранено: „*tənpərləli*“ (стр. 82). Узбекский переводчик принимает полностью слова „социализм“ — „*satsıjalyzım*“ и „коммунизм“ — „*kəmmunizim*“ (стр. 84), а казакский переводчик принимает в обоих случаях лишь основы, снабжая их казакскими окончаниями: „*sotsıjalsıbyq*“, „*kəmənestik*“ (стр. 49), но наряду с этим пытается дать и казакский перевод слова „социализм“ в заголовке: „феодалный социализм“, который по-узбекски передан „*fıjedəlizim satsıjalyzım*“ (стр. 84), а по-казакски „всеобщее равенство в эпоху бекской власти“ (*bektik devirdegi çalpy tedistik*, стр. 49, 50, 51).

В новейшем казакском языке, как и в терминологическом словаре 1931 г., слово „революция“ передается казакским словом „переворот“ (*təŋkeris*), а в переводе манифеста применяется ранее введенный казакскими националистами совершенно неудачный перевод: „изменение“ (*özgeris*, стр. 23) с соответствующим неудачным переводом слов „революционер“ и „революционный“ чрез „склонный к изменениям“ (*özgerisil*, стр. 24, 26).

Узбекский перевод передает слово „революция“ распространенным на Ближнем и Среднем Востоке арабским словом „переворот“ (*ınpırlab*, стр. 60).

¹ Таким же, вероятно, путем возникло значение „маленькая русская деревня“ для слова „*otar*“ в крымско-ногайском языке (Радлов, I, 1106). По устному сообщению тов. Сайфи, верстах в 2—3 от г. Казани имеется русская деревня с названием „Утар“.

Базируясь в своем переводе преимущественно на арабско-персидской, но также на западно-европейской и частично на русской терминологии, узбекский переводчик, как и казакский, дает примеры неустойчивости в употреблении слов и терминов. Так, слово „продукт“ передается чрез арабское „*yəməğə*“, собственно „плод“ (стр. 62), слово „продукты“ — чрез арабские „*mahsulat ve məmulət*“ (63), чрез арабское же „*hasylat*“ (стр. 64) и чрез европейское „*pirədyktələr*“ (стр. 66). „Заработная плата“ переводится и чрез „*iş haqı*“ (стр. 67), и чрез „*xızmet haqı*“ (стр. 69), „противоречие“ — и чрез „*ziddlik*“ (стр. 61, 92), и чрез „*tezad*“ (стр. 87, 92).

Слово „система“ передается в узбекском переводе то западно-европейским словом „*sistəmə*“ (стр. 90, 91) с указанием в скобках принятого турками арабского слова „*tənzimə*“, то совершенно неудачно арабским словом, значащим в турецком языке „инструкция, директива“, — „*ta'lymat*“ (стр. 92, 93), которое употребляется переводчиком еще и в значении „учение“ (стр. 93).

Некоторые из употребляемых узбекским переводчиком арабских и персидских слов не соответствуют переводимым словам оригинала. Так, нельзя признать удачным перевод слова „космополитический“ чрез „*dünjərvəz*“ (стр. 65), собственно „любящий мир“.¹ Неправильно переводить слово „эгоизм“ чрез „*tənpərvərlik*“, которое значит „изнеженность, чревоугодие“ (стр. 62); в другом месте (стр. 78) слово „эгоистический“ верно переведено персидским „*xudbyanə*“.

Нельзя переводить словом „*pəğrət*“, т. е. „отвращение, негодование“, слово „возмущение“ в выражении „история возмущения современных производительных сил“ (стр. 66), а следует воспользоваться словом „*yıbyan*“.

Довольно часто узбекский переводчик пропускает отдельные слова Манифеста, например: во фразе „Безжалостно разорвала она пестрые феодальные нити“ выпущены слова „безжалостно“ и „пестрые“ (стр. 62); во фразе „на место бесчисленного множества видов приобретенной и патентованной свободы...“ опущены слова „видов приобретенной и патентованной“ (стр. 62); вместо „крестьянские народы“ в переводе сказано „крестьян“ (стр. 65); вместо „педантической невинности“ — просто „невинности“ (стр. 88); вместо „естественно обреченных“ — просто „обреченных“ (стр. 93) и т. д.

Казакский переводчик, не ограничиваясь казакизацией отдельных слов, казакизировал, чтобы сделать Манифест более понятным своим землякам, и целые фразы. Так, вместо слов: „Это усвоение совершалось таким же путем, каким происходит усвоение иностранных языков, т. е. посредством перевода“ (5-е изд. Рязанова, стр. 87) в казакском переводе читаем (стр. 53—54): „Это усвоение совершалось таким же путем, каким ребе-

¹ В современном турецком языке, к которому так близок узбекский переводчик, употребляется европейское слово *kosmopolit* (Турецко-русский словарь, 1931).

нок читает суру (корана) по складам". Или вместо слов: „Известно, что на манускриптах, содержащих в себе классические произведения древнего языческого мира, монахи записывали нелепые жизнеописания католических святых“ (там же) казахский переводчик пишет (стр. 54): „Подобно тому, как татары (ногаи) приписывали свои частушки (такмак) к арабским философским произведениям, не понимая их смысла“. Или, наконец, вместо слов: „Они хотят, силою примера, проложить путь новому общественному евангелию“ (стр. 92) в казахском переводе значится (стр. 59): „они хотят таким образом путем наставлений, советов, проповедей заставить жаворонка нести яйца на овце“.

В узбекском переводе все три места (стр. 88, 93) переведены точно и правильно.

Казахский переводчик допускал местами расширительный перевод. Например, вступительные слова к Манифесту: „Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма“ переведены так (стр. 22): „Раздается коммунистический боевой клич (шап) и призрак (угеј) коммунизма бродит по всей Европе“. Переведя второй абзац вступления, заканчивающийся словами: „или своим реакционным противникам?“, казахский переводчик еще прибавляет от себя (стр. 22): „коротко говоря, никакого у коммунизма нет покоя“. Следующая в оригинале несколько далее фраза: „коммунизм признается уже силою всеми европейскими державами“ переведена: „Все европейские страны признают коммунизм силою, боятся коммунизма, считаются с коммунизмом“. Соответствующие места в узбекском переводе не отступают от оригинала, но в узбекском переводе вступления допущены одна неточность и одна ошибка. Именно, и казахский и узбекский переводчики перевели слова: „для священной травли этого призрака“ несколько иначе: по-казахски „чтобы колдовством убить этот призрак“ и по-узбекски „для борьбы с этим призраком (şətrə) и для его уничтожения“; слова: „Назовите такую оппозиционную партию, которую не шельмовали бы коммунистической ее противники, стоящие у власти“ узбекский переводчик передал ошибочно наоборот: „Укажите такую оппозиционную партию, которая не ругала бы коммунистами своих врагов, стоящих у власти“ (стр. 59).

Гораздо чаще, чем расширенный перевод, дается казахским переводчиком перевод сокращенный, с пропусками. При переводе, например, отдела о феодальном социализме главы III пропущены слова: „Ненавистным ей выскочкой“ (стр. 49) и целая фраза: „Часть французских легитимистов и „Молодая Англия“ разыграли эту комедию наилучшим образом“ (стр. 50). Слова: „Они упрекают буржуазию гораздо более в том, что она порождает революционный пролетариат, чем в том, что она создала пролетариат вообще“ переведены: „Они ругают капиталистов за то, что они породили класс революционных пролетариев“ (стр. 51). В конце отдела пропущены в переводе слова „которую поп кропит озлобление аристократии“ (стр. 51).

В следующем отделе главы III о мелкобуржуазном социализме слова: „В тех странах, где развивалась современная цивилизация, образовался и, как дополнительная часть буржуазного общества, постоянно вновь образуется — новый слой мелкой буржуазии, колеблющийся между пролетариатом и буржуазией“ переведены сокращенно так: „В цивилизованных странах кроме пролетариев и баев появляется на свет класс мелких баев; этот класс колеблется между классами пролетариев и баев“ (стр. 52). В отделе главы III про немецкий социализм слова: „Из-под французской критики буржуазного государства проступало уничтожение господства абстрактно-всеобщего“ и т. д. переданы так: „К написанной французами критике государства баев они примешали еще какие-то собственные вещи...“ (стр. 54).

Узбекский переводчик справился и с данным текстом с помощью арабских терминов, переведя слова „уничтожение господства абстрактно-всеобщего“ чрез „hakimijəti müşərredə və umumiyyəti bitirilişi“ (стр. 88).

Характерную ошибку допустил казахский переводчик, приняв „Древний Рим“ за Грецию на том основании, что ему известно современное турецкое значение слова „rum“ — „грек“; вместо „в древнем Риме“ в переводе читаем (стр. 25) „у древних греков“.

III

И после 1926 г., когда вышел первый перевод на казахский язык „Коммунистического Манифеста“, и после 1931 г., когда Наркомпрос Казакстана издал „Терминологический словарь“, языковое строительство в Казакстане достигло некоторых успехов, как показывает перевод „Вопросов ленинизма“ т. Сталина, но и по последнему переводу (я просматривал том II, вышедший в 1932 г.) видно, что в важнейшем отделе языкового строительства — в деле разработки терминологии не изжито еще окончательно влияние сторонников чрезмерного пуризма и колебания в выборе терминов. Так, термин „аксиома“ в письме т. Сталина „О некоторых вопросах истории большевизма“ (стр. 298) один раз переведен выражением „вопрос, ясный как месяц“, а другой раз — еще более длинной фразой: „Ясно как то, что на жеребенка наложили тавро“.

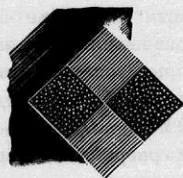
И в Узбекистане после 1929 г., когда вышел первый перевод „Коммунистического Манифеста“, произошли решительные изменения в направлении терминологической работы, но и в этой республике, как показало совещание по вопросам дальнейшего развития узбекского литературного языка при ВЦК Нового алфавита в Москве в декабре 1932 г., языковое строительство и в частности разработка терминологии не вполне еще упорядочены.

Пятидесятая годовщина смерти Карла Маркса совпала в нашем Союзе с началом выполнения хозяйственных и культурных планов второй пятилетки. И в Казакстане, и в Узбекистане намечена окончательная ликви-

дация остатков хозяйственного и культурного отставания от передовых частей Союза. В этом деле ответственная и трудная роль выпадает на работников языкового строительства как на местах, так и во всесоюзных центрах, и прежде всего и особенно на специалистов по теоретическому языкознанию.¹

Научный совет ВЦК Нового алфавита при ЦИК СССР включил в план своих работ на ближайшее время руководственное содействие местам в разрешении основных задач языкового строительства с привлечением соответствующих институтов Академии Наук СССР во главе с Институтом языка и мышления и других научно-исследовательских учреждений и посвятил теоретическому освещению этих вопросов свой пленум в феврале 1933 г.

Остается выразить твердую уверенность в том, что общими усилиями местных национальных работников и востоковедов всесоюзных центров дело перевода классиков марксизма-ленинизма на языки Советского Востока во второй пятилетке будет организовано во всех отношениях надлежащим образом и поднято на должную высоту и что в частности трудящиеся Казахстана и Узбекистана получат таким путем новые, свободные от чуждых влияний, полные и точные переводы „Коммунистического Манифеста“.

¹ См. А. Пальмбах. Задачи языковедения в строительстве национальных культур. Революция и письменность, 1933, № 1, стр. 18—27 и Б. Гранде. На фронте терминологического строительства. Просвещение национальностей, 1932, № 6—8, стр. 84—94.

Н. Н. ПОППЕ

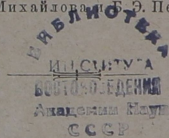
ПЕРЕВОД ТЕЗИСОВ О ФЕЙЕРБАХЕ К. МАРКСА НА МОНГОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

ИЗВѢСТІЯ

состоящаго подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА покровительствомъ

Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи
въ историческомъ, археологическомъ, лингвистическомъ и
этнографическомъ отношеніяхъ.

Содержаніе: Извлеченіе изъ протоколовъ.— Отчетъ Комитета за 1911 г.— Поѣздка въ Южную Монголію въ 1909—10 гг. Отчетъ Ц. Жамцарано.— Среди Ставропольскихъ туркменовъ, ногайцевъ и Крымскихъ татаръ. Отчетъ о командировкѣ въ 1912 г. прив.-доц. А. Н. Самойловича.— Краткій отчетъ о командировкѣ въ Китай лѣтомъ 1912 г. прив.-доц. В. М. Алексѣева.— Поѣздка въ Александровскій и Багацухуровскій улусы астраханскихъ калмыковъ. Отчетъ Н. Очинова.— Среди кудинскихъ бурятъ. Отчетъ В. А. Михайлова и Б. Э. Петри.

Série II. № 2.

St.-Petersbourg,
avril 1913.

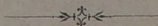
BULLETIN

publié par le

Comité Russe de l'Association Internationale pour l'exploration
historique, archéologique, linguistique et ethnographique de
l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient,

sous le Haut Patronage de Sa Majesté l'Empereur.

Sommaire: Extraits des procès-verbaux.— Compte-rendu du Comité pour l'année 1911.— Voyage dans la Mongolie Méridionale, en 1909—1910. Rapport de M. Žamcarano.— Parmi les Turcomans du gouvernement de Stavropol, les Tatars Nogaj et ceux de Crimée. Rapport sur la mission scientifique accomplie en 1912 par M. Samojlovič, agrégé.— Rapport succinct sur une mission scientifique en Chine, accomplie au cours de l'été 1912 par M. Aleksejev, agrégé.— Voyage aux ulus Aleksandrovsij et Bagacuchurovskij habités par des Kalmyks d'Astrachan. Rapport de M. Očirov.— Parmi les Buriats de la Kuda. Rapport de MM. Michajlov et Petri.

Среди ставропольскихъ туркменовъ и ногайцевъ и у крымскихъ татаръ.

(Отчетъ о командировкѣ въ 1912 г. прив.-доц. А. Н. Самойловича).

Я намѣревался, какъ значится въ представленіи В. В. Радлова и В. В. Бартольда о моей командировкѣ, провести среди ставропольскихъ туркменовъ — съ цѣлью изученія ихъ языка и собиранія образцовъ ихъ народной словесности — вторую половину іюля и первую половину августа сего года, чтобы, такимъ образомъ, имѣть, между прочимъ, возможность наблюдать, какъ туркмены проводятъ мѣсяцъ поста — Рамазанъ. Въ дѣйствительности моя поѣздка въ Ставропольскую губернію состоялась мѣсяцемъ раньше, причемъ, благодаря двумъ случайнымъ счастливымъ обстоятельствамъ, мнѣ удалось попутно побывать, во-первыхъ, у крымскихъ татаръ и, во-вторыхъ, у ставропольскихъ ногайцевъ. На Лѣтнюю Ставку туркменскаго приставства, центръ ставропольскихъ туркменовъ, я проѣхалъ не прямо изъ Петербурга, а чрезъ Крымъ, гдѣ въ немногіе дни и часы, свободные отъ занятій на земскихъ курсахъ татарскаго языка для учителей начальныхъ школъ, я имѣлъ возможность собирать матеріалы по мѣстной этнографіи въ городахъ: Симферополѣ, Бахчисарѣ и Карасубазарѣ. Пробывъ въ Крыму съ 12 мая до 9 іюня, я пріѣхалъ въ Ставрополь 11 іюня (дорогой: Керчь — Новороссійскъ). Второй счастливой случайностью было то обстоятельство, что, благодаря любезности Главнаго пристава кочующихъ народовъ Ставропольской губерніи, А. А. Польскаго, я предпринялъ вмѣстѣ съ нимъ объѣздъ приставства на казенномъ автомобилѣ «Туркмень», совершавшемъ какъ разъ свой первый пробѣгъ по прикумскимъ степямъ, и на обратномъ пути съ Зимней Ставки на Лѣтнюю провелъ нѣсколько дней въ предѣлахъ Ногайскаго приставства, гдѣ собралъ нѣкоторый матеріалъ по языку и этнографіи ногайцевъ.

Посвятивъ время своего пребыванія среди туркменовъ собранію матеріаловъ по ихъ языку и словесности для Русскаго Комитета, я, кромѣ того, сдѣлалъ 5 дюжины фотографическихъ снимковъ и собралъ 42 этнографическихъ предмета (преимущественно по одеждѣ) для Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III на особыя средства, отпущенныя мнѣ этимъ учрежденіемъ¹⁾.

І. Крымъ.

Въ Симферополѣ я познакомился съ предсѣдателемъ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи, А. И. Маркевичемъ, который пригласилъ меня на засѣданіе Коммиссіи 19 мая, а въ одинъ изъ слѣдующихъ дней показалъ мнѣ Музей Коммиссіи. Одно изъ сообщеній засѣданія 19 мая было посвящено крымско-татарскимъ пословицамъ, собраннымъ въ количествѣ 521 и переведеннымъ на русскій языкъ интеллигентнымъ крымскимъ татаринѣмъ А. Боданинскимъ²⁾. Воспользовавшись живымъ интересомъ А. Боданинскаго къ этнографіи своихъ соплеменниковъ, я ознакомилъ его съ приемами научной транскрипціи памятникѣвъ народной словесности и составилъ для него краткую программу этнографическаго изученія крымскихъ татаръ; особое вниманіе А. Боданинскаго я обратилъ на всестороннее изученіе цеховыхъ организацій въ Бахчисараѣ и Карасубазарѣ и на подробное описаніе техники производства отдѣльныхъ ремеслъ въ названныхъ городахъ³⁾. Въ Музеѣ Архивной Коммиссіи я обратилъ вниманіе на двѣ татарскія рукописи: 1) «Дестанъ» о выселеніи татаръ въ Турцію и 2) Исторія Крымскаго ханства *خرمی چلبی* *افندی*; первая рукопись, какъ потомъ оказалось, содержитъ тотъ же дестанъ, который изданъ въ русской транскрипціи и съ рус-

1) Краткія свѣдѣнія о командировкѣ помѣщены мною въ Отчетѣ И. СПб. Университета за 1912 г., стр. 235—236. Часть фотографическихъ снимковъ, переработанныхъ въ діапозитивы, была мною показана съ объясненіями въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи И. Р. Географическаго Общества 15 февраля 1913 г. (см. «Живая Старина», г. XXII, стр. XXXI).

2) Приготавливаются къ напечатанію въ Извѣстіяхъ Таврической Уч. Арх. Коммиссіи магистрантомъ Фалевымъ.

3) Нѣкоторыя свѣдѣнія о ремесленныхъ цехахъ были собраны г. Бравиннымъ въ Бахчисараѣ въ 1903 г. (Извѣстія Р. Комитета, № 2, стр. 16).

скимъ переводомъ въ книгѣ А. Олесницкаго «Пѣсни крымскихъ турокъ»¹⁾ (стр. 58 и 138), а вторая рукопись есть второй экземпляръ сокращеннаго изложенія (съ дополненіями) «Семи планетъ» Мухаммеда Ризы, использованнаго подъ именемъ «краткой исторіи» въ сочиненіи проф. В. Д. Смирнова «Крымское ханство подъ верховенствомъ Отоманской Порты» (двѣ части)²⁾.

Благодаря любезности А. Н. Маркевича, я натолкнулся въ Симферополѣ на вопросъ объ измѣненіи значеній названій нѣкоторыхъ годовъ турецкаго двѣнадцатилѣтняго животнаго цикла (годъ обезьяны и дракона),— вопросъ, дальнѣйшій матеріалъ по которому мною былъ найденъ у ставропольскихъ туркменовъ и ногайцевъ³⁾.

Трижды я посѣтилъ Бахчисарай, гдѣ приобрѣлъ много знакомствъ среди мѣстной татарской интеллигенціи во главѣ съ Исмаиль-мурзой Гаспринскимъ; этотъ «шейхъ» современной татарской журналистики и практической педагогіи подарилъ мнѣ большинство своихъ печатныхъ трудовъ и изданій какъ педагогическихъ, такъ и историко-литературныхъ; отъ молодого Бахчисарайскаго литератора Османъ Нури Акчокраклы, переводчика на татарскій языкъ «Женитьбы» Гоголя, «Бахчисарайскаго фонтана» Пушкина и проч., я получилъ въ подарокъ серію его произведеній и одинъ рукописный османскій стихотворный сборникъ; при содѣйствіи г-на Акчокраклы я приобрѣлъ за 5 р. копію съ سنة الخبث цеха хлѣбопекровъ [свитокъ въ жестяномъ футлярѣ, по значенію и содержанію соотвѣтствующій средне-азіатскимъ سنة الحلال ремесленниковъ⁴⁾]. Постояннымъ спутникомъ въ моихъ крымскихъ экскурсіяхъ былъ учитель земской школы въ Бахчисараѣ, Яхья эфенди Байбуртлы, который самымъ доброжелательнымъ образомъ помогалъ мнѣ въ моихъ этнографическихъ розысканіяхъ и

1) Исправленный русскій переводъ, съ указаніемъ разночтеній, напечатанъ мною въ Извѣстіяхъ Таврич. Уч. Арх. Коммиссіи, вып. 50 подъ заглавіемъ: «Пѣснь о крымскихъ событіяхъ».

2) Предварительное сообщеніе о новомъ спискѣ сокращенія «Семи планетъ» напечатано мною въ Извѣстіяхъ Тавр. Уч. Арх. Коммиссіи, вып. 49.

3) Замѣтка по этому вопросу мною напечатана въ Извѣстіяхъ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи, вып. 49 подъ заглавіемъ: «Объ измѣненіяхъ въ 12-лѣтнемъ животномъ циклѣ у нѣкоторыхъ турецкихъ племенъ».

4) Лѣтомъ 1918 г. я приобрѣлъ еще въ Бахчисараѣ копію «селеф-намэ» земледѣльцевъ и копію таблицы съ именами святыхъ покровителей — пировъ различныхъ цеховъ.

который продолжает собирать для меня образцы народной словесности и послѣ моего отъѣзда изъ Крыма; онъ подарилъ мнѣ старый, наполовину уже разорванный, сборникъ крымско-татарскихъ пѣсень, такъ называемый «џоңк»¹⁾, просматривалъ вмѣстѣ со мной «Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій» ак. В. В. Радлова, пополняя его по части крымско-татарскихъ словъ, записывалъ для меня и диктовалъ мнѣ мелкія произведенія народнаго словеснаго творчества (въ томъ числѣ: благопожеланія при дождѣ, поволуньѣ, отходѣ ко сну), сообщилъ свѣдѣнія о крымско-татарскихъ кушаньяхъ, личныхъ именахъ, терминахъ родства и т. д., сопутствовалъ мнѣ въ прогулкѣ по Чуфут-калѣ и караимскому кладбищу въ Иосафатовой долинѣ и при осмотрѣ Ханскаго дворца.

Въ обществѣ Яхья эфенди Байбуртлы и преподавателя татарскаго языка въ Симферопольской Учительской школѣ, А. Ч. Муфтиязада я предпринялъ однодневную поѣздку въ Карасубазаръ, главнымъ образомъ для выясненія на мѣстѣ вопроса о загадочныхъ крымскихъ туркменахъ²⁾; вопросъ этотъ такъ и остался для меня открытымъ: объективныхъ данныхъ для установленія въ Крыму вообще и въ Карасубазарѣ въ частности особаго племени — туркменовъ я не нашелъ; вопросъ о крымскихъ *туркменахъ* тѣсно связанъ съ вопросомъ о группѣ крымскаго населенія, именуемаго *гурбетъ*, и съ вопросомъ объ отношеніи этихъ гурбетъ къ такъ называемымъ *таифа* (напримѣръ, въ поселкѣ Джанкой подѣ Карасубазаромъ) и къ отдѣльнымъ группамъ цыганъ — *чингенъ*, которые различаются по своимъ занятіямъ: музыканты, мѣдвежатники, ситочники, лошадняки и т. д. Въ Карасубазарѣ-же я имѣлъ случай посѣтить духовнаго главу мѣстныхъ цеховъ, *накыбъ*а, у котораго я видѣлъ цеховое знамя, свитокъ съ легендарной исторіей возникновенія мусульманской цеховой организаціи кожевниковъ и съ перечисленіемъ духовныхъ покровителей этого цеха, подѣ названіемъ: *هَذَا شَجَرَةُ فِتْوَتٍ دَر بِيَانِ دَبَاغَاتِ*, и списокъ религіознаго

1) См. журналъ *تورک یوردی*, № 11, стр. 316, гдѣ слово «djeupc» — *جونک* объясняется, какъ «сборникъ».

2) См. мою замѣтку «Новое о туркменахъ», *Живая Старина*, годъ 1910, вып. 3, стр. 274. Дополнительные свѣдѣнія см. въ моей статьѣ «Бахчисарайскій пѣвецъ, поэтъ, лѣтописецъ и метеорологъ Хабибулла-Керемъ» (*Изв. Тавр. Уч. Арх. Комм.*, вып. 50) въ примѣчаніяхъ къ стихотворенію Керема «О туркменахъ въ кварталѣ Азизъ».

пѣснопѣнія, исполняемаго цыганами во время хожденія по улицамъ съ цеховымъ знаменемъ въ день Ашура; снять копію со свитка накыбъ мнѣ не разрѣшилъ, а копію съ пѣснопѣнія снялъ для меня, съ разрѣшенія накыба, молодой Карасубазарскій житель, любезный Османъ Усейновичъ Ногаевъ. Не смотря на то, что я пріѣхалъ въ Карасубазаръ съ двумя татарами, я встрѣтилъ тамъ недовѣрчивое къ себѣ отношеніе; между прочимъ, моихъ спутниковъ при мнѣ же въ кофейнѣ шепотомъ спрашивали, не миссіонеръ-ли я, что одинъ изъ моихъ спутниковъ объяснялъ мнѣ впослѣдствіи «фанатизмомъ» своихъ соплеменниковъ.

Побывавъ недолго въ Крыму, я имѣлъ достаточно случаевъ убѣдиться, что среди тамошнихъ татаръ, особенно степныхъ (уѣзды Персепольскій, Евпаторійскій и Феодосійскій), можно собрать еще значительный и весьма интересный матеріалъ по живой татарской старинѣ въ дополненіе къ тому, что собрано ак. В. В. Радловымъ и другими¹⁾.

II. У ставропольскихъ ногайцевъ.

Чтобы сразу покончить съ отчетомъ о сверхпрограмныхъ своихъ занятіяхъ, я сообщу въ этой главѣ о своемъ трехдневномъ пребываніи въ Ногайскомъ приставствѣ Ставропольской губ., куда я попалъ случайно, возвращаясь съ Зимней Ставки Туркменскаго приставства па Лѣтнюю во второй половинѣ іюня мѣсяца. Съ разрѣшенія пристава

1) Здѣсь не мѣсто подробно выяснять научность термина «татаринъ» въ примѣненіи къ туземному турецкому населенію Крыма, которое само себя именуетъ татарами. Я согласенъ съ тѣмъ, что нѣтъ основаній слишкомъ широко пользоваться терминомъ «татаринъ», распространяя его, напримѣръ, на турецкія племена Восточной Сибири, Русскаго и Китайскаго Туркестана, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, ак. Радловъ (см. его «Aus Sibirien») и проф. Катановъ (см. его «Письма изъ Сибири»), но я признаю въ настоящее время слишкомъ смѣлымъ утвержденіе А. Олесницкаго («Пѣсни крымскихъ турокъ», стр. VIII—IX, сноска 1), что «термины: «татары», «татарскій», въ примѣненіи къ турецкимъ племенамъ, какъ антинаучные, преданы остракизму», хотя я и самъ одно время — каюсь! — былъ склоненъ «остракизовать» эти термины. (Ср. П. М. Меліоранскій «Турецкія нарѣчія и литературы», Эпц. Слов. Брокгауза и Ефрона, 1 изд., т. 34 стр. 159). Одна изъ очередныхъ задачъ современной туркологии — установить предѣлы научнаго употребленія этническаго термина «татаринъ», какъ я пытался то же сдѣлать съ терминомъ «сартъ». Какъ послѣдній терминъ, такъ и первый, по моему, невозможно устранить изъ научнаго обихода, ибо нѣтъ къ тому научныхъ основаній.

И. И. Серебряникова, я разнесъ на карточки болѣе 269 мужскихъ и болѣе 159 женскихъ ногайскихъ личныхъ именъ изъ посемейныхъ списковъ, хранящихся въ канцеляріи приставства въ Ачи-кулакѣ; на ряду съ арабско-мусульманскими именами у ногайцевъ сохранилось очень много турецко-шаманскихъ именъ. И въ Крыму, и у ногайцевъ, и, въ послѣдствіи, у туркменовъ я собиралъ мѣстные личные имена, имѣя въ виду внести свою лепту въ разработку вопроса о турецкихъ національных именахъ, котораго я уже коснулся въ одной изъ своихъ замѣтокъ¹⁾. Съ жилищами и костюмами ногайцевъ я ближе познакомился при поѣздкѣ въ ногайскій аулъ Махмудъ-мектебъ, гдѣ я также слышалъ двухъ народныхъ сказителей-пѣвцовъ (цырау) и гдѣ я пользовался содѣйствіемъ головы ногайскаго народа, Галаваша, и учителя русско-ногайской школы, карачаевца Курманъ Байрамукова. Образцовъ народной словесности среди ногайцевъ я не собиралъ, предпочтя затратить нѣкоторое время на обученіе научному транскрибированію молодого интеллигентнаго ногайца, бывшаго народнаго учителя, а нынѣ — переводчика при канцеляріи, Бекъ-мурза Исаева, изъ рода Едисанъ, который самъ уже нѣсколько лѣтъ собираетъ и записываетъ родныя былины, пѣсни и т. п.; я составилъ для Исаева коротенькую этнографическую программу и заручился его обѣщаніемъ изучать словесное творчество и бытъ своего народа, а собранные матеріалы присылать въ Петербургъ. Народная словесность ногайцевъ — очень богатая; особенно цѣнны былины о Тохтамышѣ, Едигеѣ, Мамаѣ и другихъ историческихъ личностяхъ. Черезъ опросъ Исаева я составилъ краткую ногайскую грамматику и записалъ нѣкоторыя ногайскія слова. Исаевъ-же начертилъ мнѣ нѣсколько ногайскихъ тамгъ. Языкъ ставропольскихъ ногайцевъ обнаруживаетъ неустойчивость, причину которой я, конечно, не имѣлъ времени установить; дѣло въ томъ, что въ говорѣ одного и того же лица можно замѣтить колебанія въ произношеніи однихъ и тѣхъ-же словъ; колебанія эти — фонетическаго характера и относятся къ области согласныхъ звуковъ: то слышатся въ данномъ словѣ общетурецкіе согласные, то соотвѣтствующіе имъ согласные казакъ-киргизскаго языка.

1) «Къ вопросу о нареченіи имени у турецкихъ племенъ», Живая Старина за 1911 г., стр. 297. Ср. замѣтку Гордлевскаго въ «Древностяхъ восточныхъ», т. IV.

Въ своей основѣ ногайское нарѣчіе ближе всего стоитъ къ казакъ-киргизскому, рѣзко отличаясь отъ туркменскаго. Всѣ черты ногайскаго нарѣчія, которыя сближаютъ его съ кумыцкимъ, усвоены имъ, несомнѣнно, позднѣе и заимствованы изъ кумыцкаго. Въ то время какъ кумыки, карачаевцы и балкары являются потомками до-монгольскаго населенія Сѣвернаго Кавказа турецкаго корня, ногайцы принадлежатъ къ населенію послѣ-монгольскому¹⁾.

III. У ставропольскихъ туркменовъ.

Выѣхавъ изъ Ставрополя на парѣ лошадей утромъ 14 іюня, я пріѣхалъ на Лѣтнюю Ставку²⁾ утромъ слѣдующаго дня; путь шелъ по слѣдующимъ русскимъ селамъ: Надеждинское, Старомарьевка, Грачевскіе хутора, Константиновское, Петровское, Камбулатское, Овощи (около 120 верстъ); дорога изъ-за дождей была тяжелая и мѣстами пришлось ѣхать на тройкѣ. Ночевалъ въ Камбулатскомъ волостномъ правленіи; въ саду мѣстнаго батюшки въ сумерки видѣлъ каменную бабу; другая каменная баба, по словамъ батюшки, подпираетъ столбъ у воротъ одного крестьянина. Подъѣзжая къ Ставкѣ, я проѣхалъ первымъ туркменскимъ осѣдлымъ ауломъ Чуръ. Немедленно приступивъ къ изученію туркменскаго діалекта посредствомъ бесѣдъ со встрѣчными туркменами, я 16 іюня занимался нѣсколько часовъ съ неграмотнымъ старикомъ изъ сосѣдняго осѣдлаго аула (абул) Чуръ, по имени Джума Ніязъ; записалъ термины родства, нѣсколько собственныхъ именъ, числительныя, отрывки изъ Кѳр-оглу, названія домашнихъ животныхъ и ихъ мастей, названія различныхъ частей тѣла человѣка и животнаго, дѣленій времени, странъ свѣта, нѣкото-

1) См. резюмэ моего сообщенія въ Вост. Отд. И. Р. Арх. О. 19 декабря 1912 (Зап. Вост. Отд. XXI) и мою рецензію на учебникъ балкарскаго нарѣчія Караулова (ibid.).

2) См. А. Володинъ, «Трухменская степь и трухмены» (Сб. мат. для оп. мѣстн. и плем. Кавказа, XXXVIII), стр. 97—98. С. Фарфоровскій, «Трухмены (туркмены) Ставропольской губерніи» (Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн., XXVII), стр. 16 отд. оттиска. Эти два описанія уже нѣсколько устарѣли, такъ какъ Лѣтняя Ставка развивается и пріобрѣтаетъ болѣе благоустроенный видъ съ каждымъ годомъ.

рыхъ звѣздъ, кушаній¹⁾, растеній культурныхъ и дикихъ²⁾, птицъ домашнихъ и дикихъ³⁾, клички собакъ (лошади и коровы кличекъ не имѣютъ, а называются по мастямъ), названія одежды⁴⁾. 17 іюня выѣхалъ на автомобилѣ вмѣстѣ съ главнымъ приставомъ А. А. Польскимъ, какъ разъ совершавшимъ служебную поѣздку по своему району, по маршруту: туркменскіе осѣдлые аулы: Сабанъ, Кенджекулакъ, Антуста, свободная степь⁵⁾, русское село Арзгиръ, артезианскій колодезь знатнѣйшаго изъ туркменовъ, скотовода-кочевника Мусы Ишеева, рѣка Кума (по-туркменски Кўмі), зимовки кочевыхъ туркменовъ и мечеть Мусы и, наконецъ, Зимняя Ставка⁶⁾. На Зимней Ставкѣ я провелъ 2½ дня, пользуясь радушнымъ гостепріимствомъ заведующаго этой Ставкой, помощника туркменскаго пристава К. А. Стромина. Въ это время на Ставкѣ былъ большой сѣздъ туркменовъ по случаю засѣданій особой землеустроительной комиссіи, работавшей надъ вопросомъ о надѣленіи земель и о разбивкѣ на аулы той части туркменовъ, которые еще не осѣли. Благодаря полному содѣйствію со стороны русской администраціи и довѣрчивому, сочувственному отношенію ко мнѣ туркменовъ, съ которыми я говорилъ на ихъ родномъ языкѣ, мнѣ удалось собрать на Зимней Ставкѣ за короткое время довольно интересный матеріалъ.

Первое, что я сдѣлалъ на слѣдующее утро по приѣздѣ на Ставку, это — посѣтилъ близлежащее туркменское кладбище, которое я дважды сфотографировалъ и гдѣ я списалъ надписи на нѣкоторыхъ памятникахъ (вертикально стоящихъ камняхъ). По кавказскому обычаю, на памятникахъ изображаются бытовые предметы: на женскихъ — гребень и ножницы, на мужскихъ — ружье, шашка, кинжалъ, сапоги, калоши, кувшинъ, тазъ, четки (?).

Моимъ постояннымъ спутникомъ здѣсь былъ переводчикъ канцеляріи, Хаджи Вали, Рамазанъ оглу, изъ рода Чаудуръ, колѣна

1) Ср. Володинъ, 40, 41, 45.

2) Ср. Володинъ, 9 (по-русски и по-латински), стр. 11: курай — сорная трава. О садахъ — стр. 14 (мало).

3) Ср. Володинъ, 16 (русс. и латинск.).

4) Ср. Володинъ, 37.

5) Володинъ, 10. Отмѣчу кстати, что «цѣлина» по-туркменски называется «саѣ јер» — «здоровая земля».

6) Володинъ, 98.

Аладжа-башъ. Посѣтивъ его кибитку и выпивъ нѣсколько глотковъ столь любимаго ставропольскими туркменами калмыцкаго чаю¹⁾, который былъ сейчасъ же приготовленъ радушной супругой переводчика, я подробно записалъ названія всѣхъ предметовъ, находящихся въ кибиткѣ²⁾, сначала тѣхъ, которые размѣщены въ правой отъ входа части кибитки, гдѣ хозяйничаетъ женщина, затѣмъ въ лѣвой, гдѣ сложены постели, одежда и вещи мужа.

На слѣдующій день я описалъ зимовку Хаджи-Вали, охраняемую русскими «дворниками»; кромѣ того я продолжалъ пополнять уже начатыя ранѣ отдѣлы своего словаря и записывалъ названія всего, что мнѣ попадалось на глаза. На Зимней Ставкѣ я собралъ около 20 загадокъ, изображенія 7 туркменскихъ тамгъ, краткія описанія нѣсколькихъ игръ³⁾. Но главнымъ приобрѣтеніемъ, сдѣланнымъ мною въ Прикумьѣ, я считаю произведенія двухъ туркменскихъ поэтовъ (шабыр), покойнаго отца и здравствующаго сына: Ходжой Гельди оглы и Хумаръ, рода (руѣ) Игдыръ, колѣна (табын) Яхшы-ходжа; первый, по словамъ сына, былъ неграмотенъ (кара), второй — сынъ — малограмотенъ. Стихотвореній отца у меня записано шесть, стихотвореній сына — два.

То различіе въ области народной словесности, которое существуетъ въ Средней Азіи между казакъ-киргизами и туркменами и которое было отмѣчено еще Вамбери, существуетъ въ Ставропольской губерніи между ногайцами и туркменами. У туркменовъ здѣсь народная словесность гораздо бѣднѣе, чѣмъ у ногайцевъ⁴⁾; среди пѣсенъ, какъ и у среднеазіатскихъ туркменовъ, преобладаютъ стихотворенія изъ четверостишій или — рѣже — пятистишій, заимствованныя изъ «Кёр-оглы», «Ахмедъ и Юсуфа», «Іосифа и Зулейхи» и т. д.⁵⁾,

1) Володинъ, 39—40 (способъ приготовленія).

2) Ср. Володинъ, 36—37.

3) Ср. Володинъ, 55.

4) Объясненія Фарфоровскаго, 27 — неосновательны.

5) Володинъ, 42; терминъ «пѣсни — былины» неудаченъ (еще 46). Неудачна характеристика по языку «шерамазан» — 44 (заимствовано Фарфоровскимъ, 29). Свадебныя причитанія (аідым) въ переводѣ — 48; причитанія по покойнику (аідым) — 50—51 (текстъ въ искаженной транскрипціи, переводъ неточный и съ ошибками).

См. его-же, «Изъ туркменской народной поэзіи» (ibid.), гдѣ всѣ стихи — описаннаго нами типа.

или сочиненныя извѣстнымъ «всетуркменскимъ» поэтомъ Махтум-кули (по произношенію ставропольскихъ туркменовъ: Бахтум-кули), или, наконецъ, сочиненныя мѣстными поэтами, которыхъ мнѣ стало въ послѣдствіи извѣстно семь, хотя въ дѣйствительности ихъ, вѣроятно, больше. Содержаніе стихотвореній — пѣсенъ (кошку, ыр), исполняемыхъ или спеціальными пѣвцами (бахшы)¹⁾, или просто любителями попѣть, по характеру то же, что и у среднеазиатскихъ туркменовъ, напримѣръ, у Мервскаго слѣпого поэта Кѳр-моллы²⁾: или мистическія (о бренности всего мірскаго; ихъ сравнительно меньше), или злободневныя, хвалебныя, хулительныя (последнихъ, къ сожалѣнію, мнѣ почти вовсе не удалось собрать). Первое изъ записанныхъ мною академической транскрипціей стихотвореній Ходжой Гельди оглы любопытно тѣмъ, что оно пересыпано русскими словами; поэтъ служилъ нѣкоторое время кумысникомъ въ Ставрополѣ, у его хозяина пропала гнѣдая кобыла, въ поискахъ за ней онъ натолкнулся въ Архіерейской рощѣ на русскаго офицера, къ которому и обращено это стихотвореніе, начинающееся такъ:

Постої, забїт, сенден хабар сорајїн:
Бїр гїнедої кабыл ношолон бар-мы?
Леслер арасында, аѳач ічїнде
Треноѳ салынып душолон бар-мы?

Записывалъ я стихотворенія подъ диктовку поэта-сына, Хумара, въ молодомъ, но уже тѣнистомъ саду Зимней Ставки, орошаемомъ изъ артезіанскаго колодца. Любопытно отмѣтить, что, по мнѣнію Хумара, «коренная пѣсня бываетъ изъ четверостишій» — асыл ыр дѳрт беїттен болур; пятистишія поэтъ называетъ — бешлеме; я записалъ названія 15 музыкальныхъ мелодій (саз), которыя мнѣ назвалъ Хумаръ: 1) аѳыѳул салмап, 2) јаз мемет, 3) јомут (*јомудская* мелодія), 4) беш перде зыбырдык, 5) кѳр сејїт, 6) іса-бахшы, 7) чора-бахшы, 8) апштархан сазы (*астраханская* мелодія), 9) беңгі, 10) боз торѳаї (*жаворонокъ - протяжная мелодія*), 11) newahї (мелодія извѣстнаго

1) Володинъ, 42 (а за нимъ — Фарфоровскій, 28): тамдрачи. Фарфоровскій, 36 — бахша.

2) См. мою статью: «Туркменскій поэтъ-босыкъ Кѳр-молла и его пѣсни о русскихъ», *Живая Старина* за 1907 годъ, вып. 4-ый.

среднеазиатскаго поэта Мир-Али-Шира Невайи; поэтъ пояснилъ, что на эту мелодію поются стихи Махтум-кули въ концѣ сеанса бахшы), 12) карабаулы (*карабагская* мелодія, веселая), 13) бота (изъ новыхъ), 14) чызык (изъ новыхъ, съ большимъ количествомъ трелей), 15) боi-боi¹⁾.

По пути въ центръ Ногайскаго приставства Ачи-кулакъ, я миновалъ туркменскій осѣдлый аулъ Озекъ-суатъ, ногайскій аулъ (какъ видно и изъ названія) Ильясъ-кышлау и аулъ поволжскихъ татаръ («казанцевъ» — «*казанлык*») Камышъ-бурунъ; послѣдніе два находятся въ Ногайскомъ приставствѣ. Ставропольскіе татары²⁾ (они населяютъ еще аулъ Малый Барханчакъ въ Туркменскомъ приставствѣ и вкраплены въ населеніе другихъ ауловъ) стоятъ значительно выше въ культурномъ отношеніи, чѣмъ туркмены и ногайцы³⁾; они сохранили свой языкъ и свою одежду; въ то время какъ туркменскіе и ногайскіе муллы обыкновенно не отличаются по одеждѣ отъ своей паствы⁴⁾, Камышъ-бурунскій мулла, бѣлокурый, свѣтлоглазый, тучный старикъ, былъ одѣтъ въ свѣтлый шелковый халатъ и бѣлую, большую чалму. Отмѣчу кстати, что мѣстное русское населеніе употребляетъ слово *татаръ* не только по отношенію къ поволжскимъ переселенцамъ, но и къ туркменамъ и ногайцамъ; одинъ изъ ямщиковъ на мой вопросъ: чья это земля? отвѣтилъ: *татарская*, хотя мы ѣхали по землѣ туркменовъ. Ср. выраженіе «безыльная *татарва*» у Володина, 30. Путь нашъ изъ Ачи-кулака на Лѣтнюю Ставку лежалъ чрезъ рядъ русскихъ селъ (Владиміровка, Лѣвокумское, Новоромановка, въ которой мы ночевали, Петропавловка, Серафимовка) и чрезъ туркменскій аулъ Эдиль-бай; уже подъѣзжая къ Ставкѣ, мы оставили по лѣвую руку аулъ Маштакъ-кулакъ.

1) Въ Крыму мелодія называется не ساز (какъ еще у казакъ-киргизовъ, словарь Радлова IV, 397) а هوا — hawa (Словарь Радлова II, 1777). Въ бытность лѣтомъ 1913 г. въ Берлинѣ, я составилъ себѣ списокъ названій османско-турецкихъ мелодій — مقاماتъ въ количествѣ болѣе 60 по сборникамъ пѣсенъ тамошней Королевской библіотеки (каталогъ Перча №№ 45, 301, 308, 319); въ этомъ списокѣ не оказалось ни одного названія, тождественнаго со ставропольско-туркменскими.

2) Володинъ, 27.

3) Туркмены и ногайцы тоже развиваются въ культурномъ отношеніи, но слабѣе татаръ. Туркмены, какими я ихъ видѣлъ въ 1912 году, замѣтно ушли впередъ сравнительно съ тѣмъ, какъ ихъ описываютъ Володинъ и Фарфоровскій.

4) Володинъ, 34.

На Лѣтней Ставкѣ я прожилъ, занимая квартиру одного изъ уѣхавшихъ на капикулярное время учителей мѣстнаго русско-туркменскаго училища, до 11 іюля, когда тронулся въ обратный путь на Ставрополь по прежнему направленію. За это время я на короткій срокъ отлучался въ туркменскіе аулы Чуръ и Куликовы копани (јаңы кују—по туркменски) и въ аулъ Кучерли (кӱчерлі) со смѣшаннымъ населеніемъ (есть ногайцы и казанскіе татары) и съ преобладаніемъ отуреченныхъ калмыковъ—мусульманъ (по-туркменски: казылар¹⁾); у послѣднихъ сохранились калмыцкія родовыя имена, изъ коихъ я записалъ: 1) шерет (къ этому роду принадлежитъ старшина аула, Кенганъ-берди Мыратъ оглы), 2) чонус, 3) тӱркмет (камыцкое множественное отъ слова тӱркмен), 4) бајан, 5) сабылмат, 6) бурул, 7) тӱбет, 8) харнаул, 9) батаул, 10) дархудут. Старшина аула сначала мнѣ сказалъ, что «казылар» дѣлятся на пять родовъ (беш табын) и назвалъ первыя пять именъ, затѣмъ другіе его одноаульцы прибавили постепенно еще пять именъ; конечное и въ словѣ бајан я не разслышалъ, и на присутствіе его мнѣ указала одна изъ женщинъ, кажется, татарка. Когда я просматривалъ посемейные списки этого аула, то обратилъ вниманіе, что согласные звуки въ личныхъ именахъ Кучерлинцевъ носятъ иногда ногайскій характеръ. Языкомъ кучерлинцевъ я специально не занимался, а на него слѣдовало-бы обратить вниманіе²⁾. Въ Куликовы-копани, родной аулъ письменнаго переводчика на Лѣтней Ставкѣ, Эреджеба (такъ туркмены произносятъ арабское слово رجب), гдѣ у него имѣется лавка и гдѣ старшиной состоитъ его братъ, я ѣздилъ 8 іюля для того, чтобы познакомиться съ тамошнимъ поэтомъ Заръ-Мухаммедомъ (въ просторѣчьи—Заркей) изъ рода Союнаджи и записать нѣсколько его стихотвореній; изъ устъ поэта я записалъ 3 стихотворенія (I—о бренности этого міра, II—въ честь Оразъ-хаджи, основателя аула Сабанъ, III—въ честь переводчика Эреджеба); 4-ое стихотвореніе,

1) Почему-то мѣстные русскіе переводятъ слово «казылар» — «ангельскій народъ»: Володинъ, 27—8, по Самойлову. Можно догадываться, что имѣется въ виду арабское слово غازی — «воитель за вѣру, защитникъ вѣры».

2) Володинъ, 28: «только языкъ ихъ содержитъ особый акцентъ трухменскаго нарѣчія». См. еще мою рецензію на балкарскую грамматику Караулова, Зап. Вост. Отд. XXI, стр. 0161.

въ честь словеснаго переводчика Торгая, я получилъ въ послѣдствіи отъ самого Торгая. Поэтъ раньше жилъ въ аулѣ Озець-суать и только 3 года тому назадъ переселился въ Куликовы-копани; по его словамъ, его отецъ Абдулла или Абдулхаликъ былъ тоже поэтомъ.

При самомъ любезномъ содѣйствіи туркменскаго пристава А. Л. Добрыни и его помощниковъ я разнесъ на карточки мужскія и женскія туркменскія личныя имена изъ составленныхъ къ 1910 году посемейныхъ списковъ 4 ауловъ: 1) Башанта (240 семей; къ 31 марта 1911 года было 486 м. и 293 ж.; дѣтей школьнаго возраста 36); 2) Куликовы копани¹⁾ (180 семей; къ 31 августа 1911 года было 348 м. и 257 ж.; дѣтей школьнаго возраста 38); 3) Сабанъ (264 семьи; къ 31 марта 1911 года было 628 м. и 358 ж.; дѣтей школьнаго возраста 79); 4) Кучерли (147 семей; къ 31 марта 1911 года было 292 м. и 220 ж.; дѣтей школьнаго возраста 22). На каждой карточкѣ я отмѣчалъ названіе аула, мужское имя, или женское; имена сложныя, каковыхъ большинство, имѣющія одно и то же слово въ началѣ, помѣщались на одной карточкѣ, такъ что карточекъ въ общемъ получилось меньше, чѣмъ было на нихъ занесено именъ; выписавъ всѣ имена перваго аула, я изъ списковъ слѣдующихъ трехъ ауловъ выбиралъ только новыя, въ предыдущихъ спискахъ не встрѣчавшіяся мнѣ имена; при особо интересныхъ или рѣдкихъ именахъ я отмѣчалъ названія всѣхъ ауловъ, въ спискахъ которыхъ эти имена мнѣ попадались. Въ концѣ концовъ, я заполнилъ слѣдующее количество карточекъ: 1) Башанта — 203 м., 84 ж., 2) Кучерли — 81 м., 58 ж., 3) Сабанъ — 69 м., 24 ж., 4) Куликовы копани — 77 м., 49 ж., итого 430 м., 215 ж., а всего вмѣстѣ 645. Съ ногайскими именами, собранными ранѣе на 428 карточкахъ, я туркменскихъ именъ подробно еще не сравнивалъ, но впередъ могу сказать, что общихъ именъ много, хотя количество національныхъ, турецкихъ, а не арабскихъ именъ²⁾, у ногайцевъ выше, чѣмъ у туркменовъ, что вполне гармонируетъ съ отличіями между этими двумя племенами и въ области народной словесности. Общая сумма ногайскихъ и туркменскихъ карточекъ равняется цифрѣ 1073, именъ же

1) Легенда о происхожденіи аула у Володина, 28.

2) Володинъ, 53 (примѣры на тѣ и другія).

на нихъ разнесено, какъ я замѣтилъ выше, нѣсколько больше. Въ семейные списки имена вносятся только въ русской транскрипціи и при томъ весьма не точной: не различаются *о* и *ѳ*, *у* и *ѳ*, *а* и *ја* въ началѣ слова и т. д., такъ что мнѣ потребовалось проверять свои карточки, и ногайскія и туркменскія, съ помощью туземцевъ, которые, гдѣ могли, исправляли неточности и недоразумѣнія; къ сожалѣнію, мнѣ не удалось привести въ исправный видъ всѣхъ карточекъ полностью, и часть именъ осталась съ вопросительными знаками. Изъ «Почетнаго рапорта пристава Туркменскаго народа Ставропольскому губернатору» (№ 2132, 13 мая 1912 г.) я извлекъ рядъ статистическихъ данныхъ, нѣкоторые историческія свѣдѣнія и свѣдѣнія о внутреннемъ управленіи туркменовъ. Кочевниковъ трехъ родовъ: Чавдуръ, Игдырь и Соинаджи показано въ рапортѣ 1666 м. и 1357 ж.; кибитокъ у нихъ 601, а саманныхъ домовъ — 165; осѣдлыхъ туркменовъ показано 7420 м. и 5091 ж.; домовъ у нихъ 2604, а кибитокъ 834 (нѣкоторые осѣдлые туркмены имѣютъ кромѣ домовъ и кибитки, которыя стоятъ на дворѣ, а иногда на лѣтнее время вывозятся за село; такое пользованіе двоякимъ жилищемъ¹⁾ наблюдается и въ Хивѣ, и въ Закаспійской области); всего, значитъ, кочевыхъ туркменовъ къ маю мѣсяцу было 3.023, а осѣдлыхъ 12.511, тѣхъ же и другихъ вмѣстѣ — 15.334 (9086 м., 6448 ж.)²⁾; общая цифра домовъ — 2769, кибитокъ — 1435; осѣдлыхъ ауловъ всего 16, изъ коихъ въ 1863 году возникли: 1—2) Большой и Малый Барханчакъ (كجك بارقچاق, اولكان بارقچاق), 3) Кучерли (كوجرلى قاضى لار³⁾), 4) Куликовы копани (يانكى قوی); въ 1865 г. — 5) Чуръ (چور); въ 1869 г.: 6) Маштакъ-кулакъ, въ русскомъ просторѣчии — Маштакъ (ماشطاق قولاق) и 7) Шарахалсунъ (это — калмыцкое названіе⁴⁾), а туркмены называютъ тотъ же аулъ Сары-камышъ (سارغیش); въ 1875 г. — 8) Озекъ-суатъ (اوزك صواط⁵⁾); въ 1879 г. — Юсупъ-кулакъ (يوسف قولاق); въ 1884 г. — 10) Едисанъ-гора (второе слово:

1) Володинъ, 86.

2) Туркмены вымираютъ. Володинъ, 79—80. Въ 1906 г. было м. 9368, ж. 6622.

3) Легенда о происхожденіи этого аула у Володина, 6.

4) Володинъ, 28.

5) По Володину, 27 — въ 1863 г.; объясненіе названія на стр. 28: озеки — глабокий (sic), суат — водоной.

«гора» передѣлано изъ туркменскаго кара: *یدی سان قوه*); въ 1890 г.—11) Айгуръ (по-туркм. гѣк айгыр¹⁾: *كوك آيغر*); 12) Эдильбай (*ادلبای*); 13) Башанта²⁾ (по-туркм. байшанты: *باي شنتي*); въ 1906 г.—14) Сабанъ (*صابان*); 15) Кенже-кулакъ (*كنجہ قولاق*); въ 1908 г.—16) Антуста (по-туркм.: *kyl-nijaz قول نياز*³⁾). Нѣкоторыя данныя я извлекъ изъ «Записки пристава Туркменскаго народа о мѣстномъ управленіи духовными дѣлами магометавъ Туркменскаго приставства и о состояніи мечетей и медресе въ этомъ приставствѣ»; здѣсь только отмѣчу, что въ Туркменскомъ приставствѣ подъ медресе разумѣются мектебы; по моимъ наблюденіямъ, уровень духовнаго образованія у туркменовъ очень низкій, грамотность распространена слабо⁴⁾.

Замѣчу попутно, что во всѣхъ туркменскихъ осѣдлыхъ аулахъ, а также среди кочевниковъ и на ставкахъ имѣются русско-туркменскія школы. Есть случаи поступленія туркменовъ въ русскія среднія учебныя заведенія. Одинъ туркменскій мальчикъ готовился этимъ лѣтомъ для поступленія въ Тифлисскую фельдшерскую школу. Въ высшихъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ ставропольскихъ туркменовъ нѣтъ (ср. Володинъ, 54 сл. и 60).

Такъ какъ у ставропольскихъ туркменовъ рукописей на родномъ языкѣ почти вовсе не имѣется⁵⁾, а тѣмъ болѣе рукописей старыхъ, то, чтобы добыть матеріалъ по ихъ письменному языку, я рѣшилъ использовать архивъ Туркменскаго приставства, на что получилъ любезное разрѣшеніе обязательнаго А. Л. Добрыни. Къ сожалѣнію, особенно старыхъ дѣлъ вообще и дѣлъ на туркменскомъ языкѣ въ частности въ архивѣ не оказалось; въ качествѣ старѣйшихъ дѣлъ мнѣ были выданы на просмотръ два дѣла; на обложкѣ перваго значится: «По описи № 169 (зачеркнуто) 70 (зачеркнуто) 151 (зачеркнуто) 90. Дѣло Трухмянскаго⁶⁾ Приставства... Началось 27 Генваря 1858 г. Кончено

1) Объясненіе названія у Володина, 28 (легенда).

2) Объясненіе обоихъ названій у Володина, 28 (sic!).

3) Ср. Володинъ, 26, данныя 1902 года о 13 аулахъ; указаны годы основанія, количество населенія и число домовъ, безъ туркменскихъ названій.

4) Володинъ, 34, 33. Туркменовъ-православныхъ не наберется и десятка; причиною перемѣны религіи служатъ обыкновенно браки на иновѣркахъ.

5) Володинъ, 33 объ алфавитѣ; оригинальное соображеніе въ концѣ главы!

6) Старинныя русскія названія: трухмяне, трухмянскій въ настоящее время и въ официалъномъ языкѣ замѣнены названіями: туркмены, туркменскій, какъ видно изъ приведенныхъ мною выше заглавій двухъ официальныхъ документовъ.

2 Января 1859 г.»; на обложкѣ второго читаемъ: «По описи № 30-ый (зачеркнуто) 19 (зачеркнуто) 25. Татарскіе (sic) Бумаги по разнымъ предметамъ (sic). Начал: 18 Октября 1851 г. Конч: 15 Іюля 1856 г. На 52-х Листахъ»; внутри этого дѣла вложена опись, по проверкѣ оказавшаяся совершенно неточной. Я снялъ копіи съ нѣкоторыхъ бумагъ этого дѣла, чтобы имѣть образцы письменнаго туркменскаго языка канцелярскаго стиля отъ середины XIX вѣка, а также переписалъ еще нѣсколько бумагъ изъ дѣла 1907—8 годовъ (По описи 1907 года № 19. Дѣло Канцеляріи Туркменскаго Пристава. Маслагать и Шаріатъ¹⁾). Разборъ жалобъ туркменъ между собой. На 548 листахъ), интересныхъ какъ по языку, такъ и по содержанію; всего архивныхъ выписокъ у меня собралось 13 листиковъ (52 страницы) почтовой бумаги. Въ документахъ ставропольскіе туркмены именуются обыкновенно «Туркменскимъ Божиимъ народомъ» — *تورکمن خلق الله*. По словамъ г-на пристава, покойнымъ проф. Якоби было увезено въ Петербургъ нѣсколько туркменскихъ архивныхъ дѣлъ начала XIX вѣка.

Мои занятія на Лѣтней Ставкѣ по туркменскому нарѣчію и словесности выразились въ слѣдующемъ. Я продолжалъ пополнять свой словарь туркменскихъ словъ, собиралъ въ отдѣльной тетради матеріалъ по туркменской грамматикѣ, записалъ: 1) двѣ сказки (со словъ Чурскаго старика Джума-Ніяза), одна — въ шесть страницъ, съ присказкой впереди и сзади, на ту тему, что *ханъ отдаетъ свою дочь за того, кто разскажетъ 40 небылицъ*, а вторая — въ одиннадцать страницъ, о *похожденіяхъ Іисуса-богатыря среди дивовъ*²⁾; 2) нѣсколько туркменскихъ географическихъ терминовъ и названія родовыхъ дѣлений³⁾; 3) нѣсколько привѣтствій и благожеланій⁴⁾; 4) образцы туркменской ругани; 5) разговоръ Джума-Ніяза о земледѣліи; 6) два

1) Ср. Володинъ, 95 сл. Теперь высшей духовной инстанціей является не Закавказскій муфтіи, а Крымскій.

2) Первая сказка напечатана мною въ русскомъ переводѣ въ Живой Старинѣ за 1912 г., годъ XXI, подъ заглавіемъ «Сказка Сорокъ небылицъ по туркменскому, узбекскому и киргизскому вариантамъ»; вторая сказка есть вариантъ сказки про *суфія, дива и лису*, записанной мною среди мервскихъ текинцевъ, см. описаніе моего собранія сказокъ въ томъ же томѣ Живой Старины.

3) Володинъ, 24: Мангышлакъ, Балханы; 25: роды и «кубы»; 69: балки.

4) Ср. Володинъ, 49, 52, 57.

отрывка колыбельныхъ пѣсенъ¹⁾; 7) 69 загадокъ²⁾; 8) 103 пословицы³⁾; 9) двѣ примѣты мѣрной рѣчью, одна — про годъ Барса, а другая — про день «Бердециз» (въ Крыму по Боданинскому — «Пердалазиз»); 10) пѣсколько названій болѣзней (сильно распространенный среди туркменовъ сифилисъ⁴⁾ своего названія, какъ я слышалъ, не имѣетъ); 11) названія разныхъ мѣръ и специальную монетную терминологию, напримѣръ; једді теңге — 2 коп., ікі шаі — 3 коп., ескі бір аппасы — 5 коп., ескі бір сом — 25 к.; 12) стихотворенія — пѣсни нѣкоторыхъ туркменскихъ поэтовъ, въ дополненіе къ вышеупомянутымъ произведеніямъ Ходжой, Хуммара и Заркея.

Еще на Зимней Ставкѣ я читалъ предъ Мусой Ишеевымъ, считающимся самымъ почетнымъ и очень умнымъ туркменомъ, предъ его братомъ Исой, выборнымъ главой туркменскаго народа, переводчиками Эреджебомъ, Торгаемъ и предъ другими туркменами свой «Указатель къ пѣснямъ Махтум-кули» (Зап. Вост. Отд. И. Р. Ахр. Общ., т. XIX), чтобы провѣрить, какія изъ этихъ пѣсенъ извѣстны въ Ставропольской губерніи и нѣтъ-ли у здѣшнихъ туркменовъ незарегистрованныхъ мною пѣсенъ; послѣднихъ на Зимней Ставкѣ мнѣ не указали. На Лѣтней Ставкѣ я продолжалъ эту работу съ помощью профессиональнаго пѣвца изъ аула Чуръ, Абдульхакима Сейидъ-Ніязъ хаджи оглы; съ нимъ я примѣнилъ другой методъ: я просилъ его выложить мнѣ всѣ пѣсни Махтум-кули, которыя имѣются у него въ памяти, и затѣмъ уже провѣрялъ по своему указателю, что у меня есть и чего нѣтъ. Изъ восьми пѣсенъ, которыя припомнилъ бахшы, только двѣ были мною найдены въ моемъ указателѣ (№№ 49 и 194), остальныхъ-же я найти не могъ⁵⁾. У Чурскаго бахшы оказалась за

1) Ср. Володинъ, 53.

2) Володинымъ собрано 17. — Двѣ изъ записанныхъ мною загадокъ я использовалъ въ рецензіи на Брусскія загадки Заварина, Живая Старина, 1912 г., т. XXI, стр. 206, 207.

3) Про три пословицы мнѣ было сказано, что ихъ авторомъ считается Адна-бай, двоюродный братъ матери переводчика Эреджеба, умершій 10 лѣтъ тому назадъ (изъ рода Игдыръ); онъ также предсказывалъ погоду. У Володиной 15 пословицъ.

4) Володинъ, 73.

5) Приготовляя осенью 1913 г. новую статью о пѣсняхъ Махтум-кули для тома XXII Зап. Вост. Отдѣленія, я выяснилъ, что одна изъ пѣсенъ Махтум-кули, сообщенныхъ мнѣ Абдульхакимомъ, имѣется въ рукописи Зеки Валидова, полученной имъ изъ Ферганы; см. пѣсню № 197 въ указателѣ Валидова: *مختوم قلی اشعار ینه کورسه نچ* (татарскій журналъ *شورا* за 1913 г., № 16, стр. 498).

пазухой рукопись, которую онъ не сразу далъ мнѣ въ руки и которая была не что иное, какъ популярная среди среднеазиатскихъ туркменовъ поэма Андалиба «Юсифъ и Зулейха». Бахшы упомянулъ въ разговорѣ кумыцкаго поэта Абдурахмана, сочинившаго какой-то дестанъ, и продиктовалъ мнѣ одно стихотвореніе извѣстнаго среди ставропольскихъ туркменовъ и давно умершаго мѣстнаго поэта изъ рода Игдырь, по имени Халкей (собств. Халъ-Мухаммедъ).

Кромѣ этого Чурскаго бахшы мнѣ стали извѣстны только по именамъ еще 5 бахшы, изъ коихъ одинъ, умершій 2 года тому назадъ, Зериф-ханъ, былъ, по рассказамъ, первымъ бахшы въ представствѣ; имена остальныхъ бахшы, нынѣ здравствующихъ, слѣдующія: старикъ Иблиминъ (т. е. Веніаминъ) въ аулѣ Башанта, Нара Бегендикъ оглы въ аулѣ Маштакъ-кулакъ, Абдулхакимъ (лѣтъ 35—40) въ Большомъ Барханчакѣ, молодой Сагандыкъ въ Эдильбаѣ.

Переводчики Эреджебъ и Торгай, которые съ великой охотой и большой любезностью помогали мнѣ изучать ихъ родную словесность, доставили мнѣ матеріалъ, между прочимъ, и по части поэзіи. Отъ нихъ я записалъ начало полемическаго діалога въ стихахъ между поэтами Халкей и его современникомъ Абульджа. Эреджебъ раздобылъ для меня весьма интересное, повѣйшее произведеніе неграмотнаго поэта изъ кочевниковъ, Базаръ Пирикей - оглы изъ рода Чаудуръ, лѣтъ 35-ти, по поводу предстоящаго этой осенью надѣленія не осѣвшихъ еще туркменовъ земель и распредѣленія ихъ по новымъ ауламъ; поэтъ скорбитъ о близкой разлукѣ съ привольной кочевой жизнью. Говорятъ, что у Базара есть еще стихотворенія про холеру, про комаровъ, но я ихъ пока не досталъ. Торгай сообщилъ мнѣ отрывки изъ сатирическаго стихотворенія Халкея на нѣкоего Мусу, проявлявшаго жадность при отдариваніи за калымъ¹⁾. Торгай-же продиктовалъ мнѣ два стихотворенія своего дѣда Мемет-турды, умершаго очень давно.

Итакъ, мною собраны образцы произведеній слѣдующихъ семи, доселѣ неизвѣстныхъ поэтовъ изъ среды ставропольскихъ туркме-

1) Ср. Володинъ, 45—46.

новъ: 1) Мемет-турды, 2) Халкей, 3) Абульджа, 4) Ходжой, 5) Хумаръ, 6) Базаръ, 7) Заркей¹⁾.

Мои наблюденія надъ нарѣчіемъ ставропольскихъ туркменовъ я коротко изложилъ въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія И. Р. Арх. Общества²⁾. Здѣсь я отмѣчу, что ставропольскіе туркмены сохранили большинство особенностей туркменскаго нарѣчія, какимъ оно существуетъ въ Закаспійскихъ степяхъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ ставропольскіе туркмены подверглись вліянію погайскаго нарѣчія и, можетъ быть, еще ранѣе, на Мавгышлакѣ, казакъ - киргизскаго: южно-турецкія грамматическія формы употребляются у нихъ въ перемежку съ сѣверно турецкими. Весьма, по моему, характерно исчезновеніе приставки для образованія причастія настояще-будущаго на ур, ыр и сохраненіе только приставки ар; приставка ур отсутствуетъ, изъ со-сѣднихъ со ставропольско-туркменскимъ нарѣчіемъ, въ казакъ-киргизскомъ и погайскомъ.

Первыми моими знакомыми на Лѣтней Ставкѣ были учителя русско-туркменскихъ школъ Батоко Арслан-Гиреевичъ Кишмаховъ (кабардинецъ) и Карпъ Харитоновичъ Харитоновъ (калмыкъ), которымъ я обязанъ, равно какъ и ихъ товарищу, Эдуарду Ивановичу Янсону (учитель въ Сабанѣ), нѣкоторыми полезными указаніями и которымъ я благодаренъ за ихъ всегдашнюю готовность оказать услугу.

Радужнѣйшимъ супругамъ С. В. и М. Т. Костенко (приватъ-доценту Московскаго Университета — хирургу) я безгранично признателенъ за ихъ гостепріимство и за теплое, дружественное отношеніе ко мнѣ, благотворно вліявшее на интенсивность моихъ занятій.

Въ приобрѣтеніи этнографическихъ предметовъ для Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III мнѣ помогали переводчикъ Торгай и старшина аула Чуръ по имени Джекей Ибраевъ. Большое удовольствіе доставили мнѣ своимъ посѣщеніемъ два воспитанника одного изъ Уфимскихъ медресъ: ставропольскій та-

1) Эти семь именъ надо присоединить къ тѣмъ 44 именамъ туркменскихъ поэтовъ, которыя сообщены въ моей статьѣ «Матеріалы по среднеазиатско-турецкой литературѣ, I» (Зап. Вост. Отд. XIX, стр. 05—09) и которыя повторены, въ числѣ 36 и вразбродъ, въ статьѣ З. Валидова *ديوان مختوم قلی شورا* (за 1913 г., № 12, стр. 360).

2) См. вышеупомянутое резюме сообщенія.

таринъ изъ Малаго Барханчака и его гость, астраханскій туркменъ Шахъ Мурадъ Назаровъ; послѣдній узналъ о моемъ приѣздѣ въ Ставропольскія степи изъ письма мервскаго текинца, Кака-Джанъ Бердіева, единственнаго пока студента Университета (Петербургскаго) изъ русскихъ туркменовъ.

На Лѣтней Ставкѣ я познакомился съ двумя ставропольскими туркменами, представителями туркменовъ, переселившихся въ Астраханскую губернію; они приѣхали на Ставку, чтобы испросить у землеустроительной Коммисіи мѣсто подъ отдѣльный аулъ, въ которомъ выселившіеся временно въ Астраханскую губернію туркмены намѣрены поселиться; земля имъ обѣщана. Оба представителя произвели на меня впечатлѣніе людей болѣе развитыхъ, чѣмъ мѣстные туркмены; по своему культурному состоянію они приближаются къ поволжскимъ или ставропольскимъ татарамъ; свое желаніе поселиться въ отдѣльномъ аулѣ они, какъ разъ, мотивировали тѣмъ, что не желаютъ подчинять свою жизнь задерживающему вліянію своихъ культурно-отставшихъ соплеменниковъ.

IV. *Въ городъ Ставрополь.*

Въ городѣ Ставрополѣ я пробылъ 2 дня предъ отъѣздомъ въ Туркменское Приставство и 4 дня по возвращеніи изъ степей. Въ первое мое пребываніе въ Ставрополѣ я посѣтилъ исправлявшаго обязанности Начальника губерніи, вице-губернатора М. А. Пономарева, управляющаго канцеляріей губернатора В. А. Богословскаго и главнаго пристава кочующихъ народовъ А. А. Польскаго, которые оказали самое широкое содѣйствіе въ осуществленіи моей научной поѣздки. Кромѣ того я ознакомился въ общихъ чертахъ съ «Музеемъ Сѣвернаго Кавказа», находящимся при Ставропольской Архивной Коммисіи и Ставропольскомъ Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ (въ помѣщеніи Губернскаго Правленія); завѣдуетъ Музеемъ г-жа Мажарова. Въ Музеѣ имѣются отдѣлы: археологическій, этнографическій, естественно-историческій, кустарный. Помѣщеніе тѣсное. Я осмотрѣлъ подробнѣе этнографическіе предметы и фотографическіе снимки, относящіеся къ туркменамъ. Туркменскихъ вещей въ Музеѣ немного (одинъ шкафъ и сундукъ), и онѣ не даютъ полнаго и достаточно пра-

вильнаго представленія о туркменской матеріальной культурѣ. Расширенію Музея препятствуетъ, главнымъ образомъ, отсутствіе средствъ. Во второе посѣщеніе Ставрополя я счелъ своимъ первѣйшимъ долгомъ принести благодарность Начальнику губерніи Бр. М. Янушевичу за то полное сочувствіе, съ которымъ отнеслись къ цѣлямъ моего путешествія какъ всѣ лица администраціи, такъ и населеніе вѣреннаго ему края. Затѣмъ я успѣшилъ познакомиться съ Предсѣдателемъ Архивной Комиссіи и Помощникомъ Предсѣдателя Статистическаго Комитета, Г. Н. Прозрителевымъ, всей душой преданнымъ изученію прошлаго и настоящаго Сѣвернаго Кавказа вообще и Ставропольской губерніи въ частности. Я вторично виѣстѣ съ Г. Н. Прозрителевымъ осмотрѣлъ Музей и библіотеку при немъ, причемъ получилъ въ подарокъ цѣнныя изданія Статистическаго Комитета «Сборникъ Свѣдѣній о Сѣверномъ Кавказѣ» (томы 1—4 и 6) и Архивной Комиссіи — «Труды» (вып. II).

Заканчивая свой краткій отчетъ о поѣздкѣ къ ставропольскимъ туркменамъ, я еще разъ съ самымъ теплымъ чувствомъ вспоминаю добрый пріемъ, оказанный мнѣ при выполненіи возложеннаго на меня Русскимъ Комитетомъ научнаго порученія всѣми лицами, съ которыми мнѣ приходилось вступать въ сношенія, и выражаю особую признательность главному приставу кочующихъ народовъ Ставропольской губерніи Алексѣю Афанасьевичу Польскому за его истинно-русское радушіе, многократно проявленное по отношенію ко мнѣ и въ степи, и въ его гостепріимной семьѣ.

Поѣздка въ Ставропольскую губернію обошлась мнѣ въ 365 рублей съ копѣйками, каковая сумма составила изъ 200 р., предоставленныхъ мнѣ Русскимъ Комитетомъ, и 165 рублей съ копѣйками, израсходованныхъ мною изъ ассигновки Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III.

А. Самойловичъ.